

ТЕКУЩИЙ ЦЕРКОВНЫЙ КРИЗИС И ЕГО БОГОСЛОВСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Дорогие участники богословской конференции! Мы обращаемся к вам со Святой Горы с сердечным приветствием и пожеланием успешной работы от лица плеяды подвижников всех национальностей, говорящих на разных языках.

Мы хотим как можно более кратко представить наше видение и нашу позицию в отношении церковной проблемы Украины. Остальные докладчики рассмотрят этот вопрос с разных сторон: исторической, канонической и многих других, а наш вклад, как мы хотели бы верить, будет заключаться в рассмотрении более глубоких аспектов проблемы – не столько исторических, сколько богословских. С исторической точки зрения вопрос полноценно рассмотрен с обеих сторон, насколько мы смогли понять из доступной библиографии. Каждая сторона выставляет свои аргументы, что сразу приводит нас к первому наблюдению – о сознательной или бессознательной автономизации проблемы рамками канонического права, без рассмотрения скрытых богословских предпосылок, выступающих в качестве оснований, с одной стороны – как самой системы священных канонов, так и современного понимания самих этих оснований. То есть перед нами – две проблемы.

В отношении первой достаточно сказать, что священные каноны, возникнув как вторичный продукт Вселенских соборов, которые, не будем забывать, являлись организованной попыткой Церкви победить ереси и вызванные ими расколы, основывались на святоотеческом восприятии сущности и служения **священства**, в свете которого в свою очередь основываются епархии, патриархии и области юрисдикции. Вторая проблема является некоторым образом обратной стороной первой: современное видение священства и всего того, что с ним связано, опирается на исследования, которые связаны не с прочной богословской методологией Святых Отцов Церкви, но с другим видением, действующим в рамках так называемого экуменического богословия. Известно, что молодых богословов побуждают, по крайней мере, в странах Запада, заниматься разными направлениями экуменического богословия, если они хотят сделать хорошую карьеру...

С другой стороны, историческое рассмотрение украинского вопроса теми, кто хочет остаться якобы нейтральным, упускает из виду сказанное выше, говоря исключительно о борьбе двух первенств: Константинополя и Москвы. Но суть вопроса не в этом, и желание тех, кто анализирует проблему таким образом, заключается в замалчивании истинных причин и в переводе проблемы на несуществующее или пусть даже на вторичное основание.

Следовательно, наша задача будет состоять в том, чтобы попытаться четко указать на то, что замалчивается: на богословские основания нынешних

церковных несчастий, которые разворачиваются во время известных событий на Украине.

Новое богословие и церковный кризис

Современный церковный кризис берет свое начало фактически с момента проведения Собора в Колимбари на острове Крит, участвовать в котором отказались четыре Поместные Церкви, в том числе и Московский Патриархат. Этот «собор» стал завершением долгого пути, под непрерывным руководством Константинопольского Патриархата на протяжении почти 60 лет. Основная богословская линия межправославных обсуждений, как следует из опубликованных протоколов предсоборных совещаний, неуклонно проводилась в парадигме, которая была выработана богословами Константинопольского Патриархата. Здесь мы имеем в виду не столько обсуждение внутрицерковных интересов, сколько вопрос самого присутствия Православия в так называемом межхристианском диалоге, а также тему экуменического движения, в рамках которого осуществлялись (и продолжают осуществляться) определенные процессы.

Уже с 1959–1960 гг. Московский Патриархат, фундаментально изменив направление своей церковной политики, принимает решение присоединиться без каких-либо предварительных условий, как это станет понятно позже, к экуменическому движению и прежде всего, к его институциональному выражению – Всемирному Совету Церквей (ВСЦ). Это событие роковым образом привязало Московский Патриархат к уже сформированному экуменическому богословию ВСЦ и к соответствующему богословскому присутствию в нем Константинопольского Патриархата. Конечно, важную роль в богословском свидетельстве Константинопольского Патриархата вплоть до конца 60-х гг. играли такие русские ученые, проживавшие в Америке, как Георгий Флоровский (напомним, он являлся одним из основателей ВСЦ в 1948 г., а также профессором Гарвардского университета с этого же года) и его ученики – Шмеман и Мейендорф, которые, между прочим, сотрудничали во время Холодной войны с американской политической пропагандой выступая, например, с проповедями на пресловутом Радио «Свободная Европа». Но в первую очередь мы хотели бы акцентировать внимание на особом отношении Константинопольского Патриархата к экуменическому движению, которое, использовалось и продолжает использоваться англосаксами для того, чтобы навязать секуляризованное либеральное прочтение протестантизма, которое сформировалось в конце XIX в. в Англии и Америке.

Особого упоминания заслуживает формат мышления Флоровского, поскольку именно он был автором пресловутого «неопатристического синтеза», так похожего на соответствующий католический вариант – *Resourcement*. В рамках этого подхода была изложена так называемая «евхаристическая экклезиология» (параллельно весомый вклад в ее развитие внес другой русский богослов Николай Афанасьев), которая окончательно взяла верх в греческом академическом богословии (как в Константинопольском Патриархате, так и в Элладской Церкви), а теперь уже является «православной» экклезиологией, повсеместно признаваемой на всеправославном уровне.

Широко известно, что митрополит Пергамский Иоанн Зизиулас (также ученик Г. Флоровского) внес свой вклад в развитие евхаристической экклезиологии, связав ее с вопросом епископского первенства, как ее необходимого структурного элемента. Это и считается, в первую очередь, его вкладом в богословие, который был принят в качестве основы православной экклезиологической позиции в диалоге с римо-католиками. Кстати, это и является причиной, по которой предыдущий папа Бенедикт XVI назвал Зизиуласа величайшим христианским (а не только православным) богословом. Действительно, в почти завершенном богословском диалоге Православной Церкви и Римо-католицизма, всеми поместными Церквями, участвующими в диалоге, принято, что евхаристическое богословие согласительных документов на самом деле является их общей верой.

В сущности, для Зизиуласа епископ автономен от остального церковного тела, обладая исключительным правом свидетельствовать о вере и единстве Церкви, сам будучи единственным связующим звеном (*μοναδικός σύνδεσμος*) с другими поместными Церквями. Здесь необходимо заметить, что это новое богословие первенства и ассоциированная с ним евхаристическая экклезиология являются, к сожалению, господствующей богословской линией в богословских школах как Греции, так и всех православных стран, политически присоединившихся к Западу, то есть к Европейскому союзу и НАТО. Применительно же к украинской проблеме не является случайностью, что профессора богословия, поддерживающие Зизиуласа, все без исключения заняли сторону Фанара и признают новую псевдоцерковь Украины, естественным образом основываясь на своем понимании вселенского первенства Константинополя. После богословски неприемлемого, якобы «всеправославного», Собора в Колимбаре на Крите в 2016 г. Константинопольский Патриархат через своих наиболее официальных представителей еще громче заговорил о своем праве апелляции во всемирном масштабе, которое основывается на признании некоей формы всемирного первенства Константинополя. Новое богословие первенства все больше

приобретает окончательные формы: первенство епископов на местном уровне ведет к признанию на уровне всего мира вселенского первенства Первого – патриарха Константинопольского.

Итак, вследствие этого первенства необходимо признать следующее:

1. Подчинение всей православной диаспоры Константинополю;
2. Его экспансию на территорию других автокефальных церквей.

Не только патриарх Константинопольский, но и многие другие иерархи Патриархата непрерывно заявляют, что:

«Православие не может существовать без Константинопольской Церкви, иначе поместные Церкви будут как овцы без пастыря»;

«Константинопольская Церковь как Церковь-Мать сообщает каноничность поместным Церквам»;

«Константинопольская Церковь представляет собой видимый центр единства Церкви, в силу чего она принимает апелляции во всеправославном масштабе».

Перечень заявлений по поводу особого первенства Константинопольского Патриархата является необыкновенно длинным, но и общеизвестным. Этому первенству, как мы хотели бы подчеркнуть, с помощью особого толкования богословами Константинопольского Патриархата священных канонов придается не просто историческое, но **богословское** значение. Кроме того, украинский вопрос дал повод Патриархату еще больше сфокусировать внимание на природе вселенского первенства, которое, как в нем считают, позволяет ему применять вытекающее право рассматривать апелляции.

Как монахи Святой Горы, все, что мы хотим – это примирения Православия и особенно в наши дни, когда оно подвержено множеству серьезных вызовов. Стало очевидно, что участие в экуменическом движении не является выходом. Никого из инославных участников ВСЦ не интересует возврат к святоотеческому православию. Наоборот, есть стремление к новой терпимости вероисповеданий (πίστεων) и традиций, где никто не является Единой Святой Апостольской Церковью, вместо этого есть единство всех в разнообразии. Богословие личности, антиаскетическая евхаристическая экклезиология, считающая духовную аскезу и соблюдение евангельским заповедей «пиетизмом», развились в рамках экуменизма, составляя мнимое православное свидетельство Православной Церкви, и размыли богословие всех православных стран, произведя армии западников-экуменистов и невиданное

ранее масштабное отступление от отеческого предания и того порядка, который это предание установило в Церкви. Константинополь и Рим уже согласовали совместное управление юрисдикцией, которое начнет явно действовать после объединительного Вселенского Собора, о котором говорили и нынешний Константинопольский патриарх Варфоломей, и папа Франциск. Провести они его хотят в 2025 году в годовщину Первого Вселенского собора 325 г. Станным образом высокопоставленные лица Европейского Союза назначают на эту дату создание Европейской Федерации – Соединенных Штатов Европы.

Православная Церковь в XX в. ответила на вызовы, которые ей бросил экуменизм, великим церковным собором, который имеет все признаки того, чтобы называть его Вселенским как в отношении его богословского значения, так и из-за единодушия всех его участников. Мы говорим, конечно, о решениях Собора, состоявшегося в июле 1948 г. в Москве по поводу празднования 500-летия автокефалии Московского Патриархата. Собор рассматривал следующие вопросы: Ватикан и Православная Церковь, англиканская иерархия, экуменическое движение и Православная Церковь, церковный календарь. Постановления Собора, как подчеркивает профессор Иоанн Кармирис в своем известном труде «Догматические и символические памятники Православной Кафолической Церкви», «основывались на канонах Вселенских соборов и более поздних окружных посланиях православных Патриархов». Вся иерархия Московского Патриархата, а также представители всех поместных Церквей, кроме Константинопольской, Элладской и Кипрской, договорились осудить папизм, экуменизм и отказались признать действительность англиканского священства в противоположность предыдущего его признания многими православными Церквями под влиянием экуменического духа. Экуменизму был нанесен сильный удар, поскольку Церквей, не согласившихся с Собором и подписавших учредительный акт (англо-американского) Всемирного Совета Церквей в августе 1948 г., то есть в следующем месяце, оказалось только три. Собор полностью выразил духовный завет святого патриарха Московского Тихона, сформулированный в его Завещании от 7 апреля 1925 г. Стоит отметить, что нередкая критика этого Собора бьет мимо цели, поскольку на нем не было допущено никакой догматической ошибки (в противоположность Критскому «собору»), так как он основывался на постановлениях предыдущих Вселенских и Всеправославных соборов. Только те, кто догматически не соглашается с ним, прибегают к аргументам о его якобы политическом характере. Такая постановка вопроса не имеет оснований, потому что постановления Собора были подписаны **свободно** всеми представителями иных Православных Церквей.

Последующее нарушение постановлений 1948 г., в том числе со стороны Московского Патриархата, было в сущности масштабной победой

Константинополя и тех, кто был политически с ним связан. С другой стороны, мнимая «польза» ВСЦ, а именно то, что в нем нет никакого смысла, стало ясным еще раз из его неучастия в церковной проблеме Украины. Уже пришло время пересмотра позиций не только Русской, но и всех других православных Церквей в отношении ВСЦ и его роли. Касательно Ватикана просто напомним его известную политическую деятельность в советский период на территории всей Восточной Европы, в основном в Польше.

Заключение

Значение Собора 1948 года, и мы это еще раз подчеркиваем, велико и ждет своей справедливой исторической оценки. Как нам кажется, Русской Церкви дан прекрасный момент восстановления связи со своим прошлым, что откроет ей возможность проложить путь такому развитию событий, которое позволит ей стать ведущей силой, способной реализовать и желание всех православных народов вернуться к традиционному православию, далекому от губительного влияния экуменизма и тех, кто обязался действовать в качестве его орудий.

старец Паусий Кареотис, монах Епифаний Кансалиотис